

период времени преобладали над духовными, порождая деструктивные следствия, внешнее проявление которых воплотилось в агрессии народа, революциях, войнах и массовых суицидах. В свою очередь, сложившаяся ситуация стала предпосылкой пробуждения философской мысли, активного поиска ответов на волнующие вопросы о смысле жизни и праве человека на добровольную смерть.

Библиографические ссылки

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989. – С. 251-580.
2. Даренский, В. Ю. Смысл жизни как специфическая категория русской классической философии / В. Ю. Даренский // Русская философия: истори, методология, жизнь. – Полтава : ООО «АСМИ», 2011. – С. 212-230.
3. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Худож. лит., 1956. – Т. 4. – 611 с.
4. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
5. Наседкин, Н. Самоубийство Достоевского. Тема суицида в жизни и творчестве писателя / Н. Наседкин. – М. : Алгоритм, 2002. – 448 с.

6. Петрушенко, В. Л. Принципы диалектики и проблема смысла в культуре / В. Л. Петрушенко // Проблемы философии: Респ. научн. сборник. – Вып. 78. – К. : КГУ, 1988. – С. 39-46.

7. Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – СПб : Наука, 1996. – 739 с.

Пісна Ю. В. Сенс життя і самогубство: кореляція понять у російській філософській думці XIX – першої половини XX століть.

Проаналізовано співвідношення між проблемою сенсу життя і феноменом самогубства в російській філософській думці XIX – першої половини XX століть.

Ключові слова: людина, сенс, сенс життя, життя, ідея, деструкція, самогубство, духовність.

Pisna Yu. The sense of life and suicide: correlation concepts in Russian philosophical thought of XIX - early XX centuries.

The relations between the problem of the sense of life and the phenomenon of suicide in Russian philosophical thought of XIX – early XX centuries were analyzed.

Keywords: man, sense, the sense of life, life, idea, destruction, suicide, spirituality.

Надійшла до редколегії: 23.02.2014 р.

УДК 81'22+164

К. В. Райхерт

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ЧАРЛЬЗ УИЛЬЯМ МОРРИС И ПРАГМАТИКА ЛОГИКИ

Семиотика Ч. У. Морриса допускает прагматику логики при условии, если логические знаки изучают семиотики. Прагматика логики может быть аспектом семиотики логики, который касается происхождения, использования и влияния логических знаков. Это предполагает, что прагматика логики интересуется вопросами философии, истории, психологии и социологии логики.

Ключевые слова: знак, семиотика, логика, прагматика.

В современной лингвистике используются термины «прагмалингвистика», «лингвопрагматика», «прагматическая лингвистика», «лингвистическая прагматика» и «прагматика языка» как идиоматические способы передачи понятия об автономной междисциплинарной области познания, которая имеет дело с «неистинными кондициональными аспектами»; «асpekтами, в которых контекст должен приниматься во внимание»; «асpekтами значения, которые не обнаруживаются, а работают в особых случаях употребления»; «употреблениями, которые создают эти значения» [5, с. 136]. Всё это возможно благодаря единому предмету познания: естественному языку.

Однако такого нельзя сказать о «логической прагматике» и «прагматике логики». Семантика «логической прагматики» предполагает прагматику с точки зрения логики, а семантика «прагматики логики» предполагает прагматику, предметом которой является логика. Очевидно, чтобы изучать что-то с точки зрения логики и изучать логику – это не одно и то же. Более того, предметом логической прагматики является естественный язык, а не логика. Здесь можно провести логическую операцию деления понятия прагматики, в которой основанием деления будет естественный язык как предмет изучения прагматики, а членами деления – лингвистическая прагматика (прагматика, которая изучает естественный язык с точки зрения лингвистики) и логическая прагматика

(прагматика, которая изучает естественный язык с точки зрения логики).

Короче говоря, логическая прагматика – это логическая дисциплина, которая изучает использование естественного языка средствами логики, обычно математической логики. Логическая прагматика в современной нетрадиционной логике является некоторым подобием теории аргументации в традиционной логике. Вот что Дуглас Уолтон говорит о логической прагматике: «логическая теория традиционно стремится акцентировать внимание на семантических отношениях, то есть на отношениях между множествами истинных или ложных утверждений. Логическая прагматика имеет отношение к использованию этих утверждений спорящим с целью вести аргументированный диалог со вторым участником диалога. Один общий и важный тип цели должен способствовать успешному убеждению того, с кем спорящий ведёт аргументированный диалог. В логической теории спор – это множество утверждений, ни больше ни меньше. И всё, что имеет значение, – это истинность или ложность этих утверждений. Широкий контекст диалога не принимается во внимание. В логической прагматике спор – это требование, которое, согласно соответствующим процедурам аргументированного диалога, должно быть релевантным доказательству или получению вывода спорящим. Логическая семантика в таком случае централизованно касается утверждений, которые создают спор. Логическая прагматика занимается аргументированным использованием этих утверждений в диалоге для достижения какой-то цели, например, построить или опровергнуть дело, чтобы поддержать сторону спорящего в контексте диалога. Это касается того, что было достигнуто с помощью этих утверждений в контексте диалога, как они были использованы, чтобы убедить другого спорящего. Логическая прагматика является практической дисциплиной, прикладным искусством» [15, с. 1]. В таком случае логическая прагматика подобна лингвистической прагматике, только уделяет она внимание тому, как аргументы выражаются в естественном языке и как изучать этот процесс с помощью современной логики. С определённой точки зрения логическая прагматика – это разновидность философской логики, чьим предметом является анализ нематематических аргументов [1, с. 1], которые в то же самое время являются и аргументами в естественном языке.

Прагматика логики, по всей видимости, семиотическая дисциплина в целом и раздел семиотики логики в частности. Семиотика логики смотрит на логику как на логический язык и, тем самым, как на систему знаков. Семиотика логики (или логического языка)

в этом случае должна быть дисциплиной семиотики, которая состоит из синтаксиса логики, семантики логики и прагматики логики.

Проблема заключается в том, что нет такой дисциплины как прагматика логики в семиотике логики; есть только синтаксис и семантика логики. На первый взгляд отсутствие прагматики логики кажется обоснованным. Логики считают, что логические языки имеют дело только с денотатами, так как семантика (значения знаков) поглощает прагматику (использование знаков). Собственно говоря, главной задачей любого логического языка является точная передача мысли, что требует закрепления одного значения за одним знаком, то есть денотатом, но не множества значений, то есть коннотаций. Вот здесь-то и заключается проблема: лингвисты, логики и философы понимают «прагматику» узко: прагматика – это учение об использовании знаков. Такое понимание связано с утверждением Людвиг Витгенштейна: «Значение слова – это его использование в языке» [16, с. 20], которое впоследствии превратилось в «значение – это его использование».

Вдобавок ко всему лингвисты, логики и философы считают, что прагматика должна иметь дело с естественным языком. Впервые данная точка зрения была высказана Рудольфом Карнапом. В своей работе «Введение в семантику» Р. Карнап говорит, что «прагматика – это основа всех лингвистик» [2, с. 13], которые состоят из прагматики, дескриптивной семантики и дескриптивного синтаксиса и имеют дело с естественным языком, а не с идеальным языком. Идеальный язык – это формальный язык, не имеет значения, логический это язык или математический. Р. Карнап даёт чётко понять, что прагматика идеального языка (формального, логического или математического) невозможна, потому что чистая прагматика невозможна в отличие от чистой семантики и чистого синтаксиса, которые составляют основу идеального языка. Тем временем, один момент игнорируется: Р. Карнап принимает деление семиотики на синтаксис, семантику и прагматику, предложенное Чарльзом Уильямом Моррисом, который понимал прагматику по-другому.

Я полагаю, что мы должны исследовать прагматику Ч. У. Морриса на предмет «лазеек», которые позволили бы создать прагматику логики.

Ч. У. Моррис сообщает следующее: «Семиотика имеет своей целью общую теорию знаков во всех их формах и проявлениях, животных и человеческих, нормальных и патологических, лингвистических и нелингвистических, индивидуальных и социальных. Таким образом, семиотика – это междисциплинарная область исследования» [11, с. 1].

Также очень важно отметить, что помимо знаков семиотика изучает семиозис, «процесс, в котором что-то функционирует как знак ... Этот процесс, в традиции, которая восходит к древним грекам, связан, в общем, с тремя (четырьмя) факторами: с тем, что действует как знак; с тем, к чему знак отсылает, и с тем влиянием на некоторого интерпретатора, благодаря которому рассматриваемая вещь является знаком для этого интерпретатора. Эти три компонента семиозиса могут быть названы, соответственно, закононосителем, десигнатором и интерпретантом; интерпретатор может быть включён как четвёртый фактор» [10, с. 3].

Далее Ч. У. Моррис объясняет этот момент: «Собака отвечает определённым типом поведения (И) во время охоты на бурундуков (Д) на конкретный звук (З); путешественник готовится соответствующим образом взаимодействовать (И) с географическим регионом (Д) благодаря письму (З), полученному от друга. В таких случаях З – это закононоситель (и знак благодаря его функционированию), Д – это десигнатор, а И – это интерпретант интерпретатора. Наиболее эффективной характеристикой знака может быть следующая: З – это знак Д для И в той степени, в какой И принимает во внимание Д благодаря присутствию З. Таким образом, в семиозисе нечто принимает во внимание что-то ещё опосредованно, то есть с помощью третьего чего-то. Семиозис соответственно является опосредованно принимаемым во внимание. Посредники – это закононосители; принятие во внимание – это интерпретанты; агенты процесса – это интерпретаторы; то, что принимается во внимание, – это десигнаторы» [10, с. 3-4].

Ч. У. Моррис выделяет три коррелирующих между собой члена тройного отношения семиозиса (закононоситель, десигнатор, интерпретант) и предполагает ряд бинарных отношений: отношения знака к другим знакам, отношения знаков к их объектам, отношения знаков к интерпретаторам. Отношения знаков к другим знакам являются синтаксическим измерением семиозиса. Это измерение изучается синтаксикой (синтаксисом). Отношения знаков к их объектам являются семантическим измерением семиозиса. Это измерение изучается семантикой. Отношения знаков к интерпретаторам являются прагматическим измерением. Это измерение изучается прагматикой. Все три дисциплины – синтактика, семантика и прагматика – составляют семиотику в целом.

Дальше Ч. У. Моррис предполагает, что «логика, математика и лингвистика могут быть полностью поглощены семиотикой» [10, с. 55]. Другими словами: логика, математика и лингвистика являются разновидностями семиотических наук; «семиотика» является

их родовым понятием. Также «пока эстетика изучает конкретное функционирование знаков (таких как иконические знаки, чьими десигнаторами являются ценности), она является семиотической дисциплиной с синтаксическими, семантическими и прагматическими компонентами, а различие между этими компонентами предлагает основу для эстетической критики. Социология знания – явно часть прагматики, как и риторика; семиотика является такой структурой, которая по своим компонентам может быть эквивалентна древнему тривиуму, состоявшего из логики, грамматики и риторики» [10, с. 56].

Важно, что «в случае с другими конкретными дисциплинами это может иметь место только частично. Проблемы, которые часто классифицируются как эпистемологические или методологические, подпадают в большей мере под семиотические: так, эмпиризм и рационализм являются в своей сути теориями о том, когда имеет место отношение денотации, или о том, когда можно сказать, что оно имеет место; обсуждения истины и знания неразрывно связаны с семантикой и прагматикой; обсуждение процедур, применяемых учёными, если это не просто раздел логики, психологии или социологии, должно соотносить эти процедуры с когнитивным статусом утверждений, являющихся результатом их применения» [10, с. 56].

Кроме того, семиотика может быть частичным (или абсолютным) критерием, который «может также сыграть важную роль связующего звена между биологическими науками, с одной стороны, и психологией и социальными науками – с другой, пролив новый свет на соотношение так называемых “формальных” и “эмпирических” наук» [10, с. 56].

Говоря о прагматике, следует отметить первое определение, данное Ч. У. Моррисом: прагматика – это «наука об отношении знаков к их интерпретаторам» [10, с. 30]. А дальше Ч. У. Моррис добавляет, что «так как большинство, если не все, знаки имеют в качестве своих интерпретаторов живые организмы, будет достаточно точной характеристикой прагматики утверждение, что она имеет дело с биологическими аспектами семиозиса, то есть с психологическими, биологическими и социологическими феноменами функционирования знаков» [10, с. 30].

Позже Ч. У. Моррис даёт другое – более обоснованное – определение прагматики: «Прагматика – это аспект семиотики, затрагивающий происхождение, использование и влияние знаков» [11, с. 44].

А теперь можно перейти к «лазейкам», которые оставил для нас Ч. У. Моррис. Моррис говорит: «Все знаки могут изучаться с точки зрения прагматики, более того, целесообразно

в некоторых случаях использовать знаки, чтобы провести некоторые процессы интерпретации независимо от того, существуют ли объекты, обозначенные знаками, или даже от того, возможны ли формально данные сочетания знаков в свете правил образования и преобразования в том языке, в котором данные знаконосители обычно используются. Некоторые логики страдают, по-видимому, как бы обобщённым страхом перед противоречиями, забывая, что, хотя противоречия препятствуют обычному применению дедукции, они могут быть вполне совместимы с другими задачами. Даже знаки языка имеют много других применений, помимо сообщения подтверждаемых утверждений: они могут быть многообразно использованы для управления своим собственным поведением или поведением других людей, употребляющих знаки, путём производства некоторых интерпретантов. К этому типу относятся приказания, вопросы, просьбы и призывы и в значительной степени знаки, используемые в литературе, живописи, скульптуре. Эффективное использование знаков для эстетических и практических целей может потребовать весьма существенных изменений по сравнению с наиболее эффективным использованием тех же самых знаконосителей для целей науки. Можно простить учёных или логиков, если они судят о знаках исходя из своих собственных интересов, но семиотика должна интересоваться все измерения и все употребления знаков; синтактика, семантика и прагматика знаков, используемых в литературе, различных видах искусства, морали, религии и вообще в суждениях, – столь же его дело, как и исследование знаков, используемых в науке. Как в одном, так и в другом случае использование знаконосителей варьируется в зависимости от цели, которой оно служит» [10, с. 39-40].

В этом большом отрывке для нас ключевыми являются два момента: *«все знаки могут изучаться с точки зрения прагматики»* и *«семиотика должна интересоваться все измерения и все употребления знаков»*. Первый момент указывает на то, что любой знак можно изучать с помощью прагматики, – здесь я хочу подчеркнуть, что *«любой знак»*. Это открывает путь к изучению любого логического знака с помощью прагматики. И это даёт возможность утверждать, что любая логика, будучи системой знаков, имеет прагматическое измерение. Это означает, что прагматика может интересоваться происхождением, использованием и влиянием логических знаков. Этого достаточно для обоснования прагматики логики.

Тем не менее, очень важно принимать во внимание, что прагматическое измерение логики могут изучать, прежде всего, семиотики, а не логики или философы, потому что семиотики не устанавливают ограничения для

прагматики логики, как это делает, например, философ и логик Р. Карнап. Вот поэтому мы и обратили внимание на второй момент в отрывке.

Здесь я хочу заметить, что очень важно для семиотиков концентрировать своё внимание не только на прагматике логики, но и на семиотике логики в целом. Очень жаль, что семиотики оставляют исследования логики как системы знаков логикам, которых интересуют только логический синтаксис и логическая семантика и в основном их конструирование. На самом деле логики не заинтересованы в исследовании логических знаков, их беспокоит только конструирование операциональных формальных языков, целью которых являются математические и нематематические аргументы.

Теперь, когда мы пришли к мысли, что прагматика логики возможна с точки зрения семиотики Ч. У. Морриса, в общих чертах мы попытаемся обрисовать, какой прагматика логики может быть.

Сначала мы определим понятие прагматики логики с помощью логической операции ограничения понятия: *прагматика логики – это аспект семиотики логики, затрагивающий происхождение, использование и влияние логических знаков.*

Вопрос о происхождении логических знаков может быть решён по-разному. Так, можно поискать философское решение данного вопроса, который, вероятно, напрямую связан с философией логики. Конечно, самой известной работой в области философии логики является «Философия логики» [13] В. В. О. Куайна. Данная работа посвящена таким вопросам оснований дедуктивной логики, как отношение между значением и истиной, теория общей и логической грамматики, понимание природы логической истины, проблемы неклассической логики и так далее. Полное представление о современной философии логики можно найти в антологии «Философия логики» [12]. Естественно, философия логики может быть расширена до метафизики и аксиологии логики. Ничто не мешает нам исследовать вопросы предельных начал и оснований логических знаков и систем логических знаков и их ценность.

Очевидно, что возможен исторический способ решения вопроса о происхождении логических знаков, которое позволяет изучать логические знаки в исторических контекстах. Понятное дело, что история логических знаков связана с историей логики. В области изучения истории логики существует великое множество всевозможных исследований. Самым ярким примером последних исследований в этой области является книжная серия «Учебник по истории логики», запущенная в 2004 году Д. М. Гэббаем и Дж. Вудсом. В 2012 году вышел

11-й том в этой серии: «Логика. История её центральных понятий» [7].

Есть ещё одно решение – психологическое. Это решение связано с психологией логики. Некоторые исследования в области психологии логики посвящены проблеме естественной логики [3; 8]; некоторые – проблеме натренированного на формальную логику мышления [6; 9].

Также не стоит забывать, что логические знаки используются не только отдельными людьми, но и целыми сообществами логиков. Поэтому следует обратить внимание на социологический фактор происхождения логик и иметь дело с социологией логики. Однако здесь у нас возникает проблема: социология логики практически не разработана. Я знаю только два примера исследований по социологии логики. Первый: книга «Социология философий: глобальная теория интеллектуальных изменений» [4], в которой её автор Р. Коллинз частично рассматривает социологический аспект логики. Вторая – книга Клода Розенталя «Переплетение самоочевидности: социология логики» [14].

Вопрос о влиянии логических знаков может быть решён по-разному. Конечно, наиболее очевидным способом решения является психологический, который имеет прямое отношение к психологии логики. Другой способ – это социологический.

Я предполагаю, что для изучения влияния логических знаков психологии и социологии логики недостаточно. Мы должны обратить внимание на письменные тексты по логике, их риторический и поэтический аспекты, то есть убеждающую силу письменный и читаемых логических знаков, а также – на их герменевтический аспект, то есть их понимание. Возможно, технология письма и чтения логических знаков также должна быть рассмотрена. Однако всё это пока что только рекомендации; я не знаком со специальными работами по риторическому, поэтическому, герменевтическому и технологическому аспектам текстов по логике.

Очевидно, вопрос об использовании логических знаков касается психологии и социологии логики.

Итак, прагматика логики затрагивает философские, исторические, психологические, социологические, риторические, поэтические, герменевтические и технологические аспекты логических знаков и систем, которые образуют эти знаки и поэтому имеет дело с философией, историей, психологией и социологией логики. Таким образом, прагматика логики достигает статуса действительно междисциплинарной исследовательской практики и тем самым подтверждает подлинную междисциплинарную природу семиотики, частью которой является прагматика логики.

Принимая во внимание всё сказанное выше, мы можем говорить, что семиотика Ч. У. Морриса допускает прагматику логики при условии, что логические знаки изучают семиотики. Прагматика логики может быть аспектом семиотики логики, который касается происхождения, использования и влияния логических знаков. Это предполагает, что прагматика логики интересуется вопросами философии, истории, психологии и социологии логики, а также что она является междисциплинарной исследовательской практикой.

Я думаю, что обращение к прагматике логики может быть полезным для современной логики. В современной логике широко распространена классификация логик, согласно которой логика может быть традиционной (теории понятия, суждения, умозаключения и аргументации), классической (логика высказываний, логика предикатов) и неклассической. Однако развитие логики не стоит на месте и всё новые и новые логики появляются на свет. Эти новые логики трудно однозначно квалифицировать в рамках указанной классификации. Вопрос о классификации логик имеет серьёзное значение, так как если вопрос о том, как классифицировать существующие сейчас логические системы, поднимается, то и поднимаются вопросы о логических системах, логике в целом и о границах применения логики. Другими словами, вопрос о классификации логических систем – это вопрос о сфере компетентности логики и логиков. Поэтому исследователи современной логики пытаются создать новые классификации логических систем или каким-то образом обосновать статус своих логических систем среди других логических систем. Я считаю, что изучение прагматического измерения логик может быть полезным в классификации логик, так как прагматика логики способна прояснить компетенцию любой логической системы.

Библиографические ссылки

1. Burgess J. P. *Philosophical Logic* / John P. Burgess. – Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2009. – 168 p. – (Princeton Foundations of Contemporary Philosophy).
2. Carnap R. *Introduction to Semantics* / Rudolf Carnap. – L. : Oxford University Press, 1948. – 264 p. – (Studies in Semantics, vol.1).
3. Cole M. *Culture and Thought: a Psychological Introduction* / M. Cole, S. Scribner. – New York: Wiley, 1974. – 227 p.
4. Collins R. *The Sociology of Philosophies: a Global Theory of Intellectual Change* / R. Collins. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 2000. – 1098 p.
5. Cruse A. *A Glossary of Semantics and Pragmatics* / A. Cruse. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 198 p. – (Glossary in Linguistics).

6. Johnson-Laird P. N. The Psychology of Syllogisms / P. N. Johnson-Laird, M. Steedman // Cognitive Psychology. – 1978. – №10. – P. 64–99.

7. Logic: A History of its Central Concepts / ed. D. M. Gabbay, F. J. Pelletier, J. Woods. – Amsterdam : North Holland, 2012. – 708 p. – (Handbook of the History of Logic, vol. 11)

8. Luria A. R. Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations / trans. M. Lopez-Morillas, L. Solotaroff ; ed. M. Cole. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1976. – 175 p.

9. Monti M. M. Thought beyond Language: Neural Dissociation of Algebra and Natural Language / M. M. Monti, L. M Parsons., D.N. Osherson // Psychological Science. – 2012. – № XX (X). – P. 1–9.

10. Morris Ch. W. Foundations of the theory of signs / Ch. W. Morris. – Chicago: University of Chicago Press, 1938. – 66 p. – (International Encyclopedia of Unified Science, vol.1, №2).

11. Morris Ch. Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values / Charles W. Morris. – Cambridge: the MIT Press, 2010. – 100 p. – (Studies in Communication, vol. 1).

12. Philosophy of Logic: an Anthology / ed. D. Jacquette. – New York : Wiley-Blackwell, 2001. – 388 p. – (Blackwell Philosophy Anthologies).

13. Quine W. V. O. Philosophy of Logic / W. V. O. Quine. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1986. – 128 p.

14. Rosental C. Weaving Self-Evidence: a Sociology of Logic / trans. C. Porter. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – 296 p.

15. Walton D. Informal Logic: A Pragmatic Approach / D. Walton. –

Cambridge, Mass. : Cambridge University Press, 2008. – 366 p.

16. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein ; trans. G. E. M. Anscombe. – Oxford : Blackwell Publishers, 1997. – 272 p.

Райхерт К. В. Чарльз Вільям Моррис і прагматика логіки.

Семіотика Ч. В. Морриса дозволяє прагматикулогікизаумови,якщологічнізнаки досліджуються семіотиками. Прагматика логіки може бути аспектом семіотики логіки, який стосується походження, використання та впливу логічних знаків. Це припускає, що прагматика логіки цікавиться питаннями філософії, історії, психології та соціології логіки.

Ключові слова: знак, семіотика, логіка, прагматика.

Rayhert K. Charles William Morris and Pragmatics of Logic.

The Ch. W. Morris' semiotics admits pragmatics of logic if logical signs are studied by semioticians. Pragmatics of logic may be the aspect of semiotics of logic concerned with the origin, uses, and effects of logical signs. That assumes that pragmatics of logic concerns with the questions of philosophy, history, psychology and sociology of logic, and is an interdisciplinary explorative practice.

Keywords: sign, semiotics, logic, pragmatics.

Надійшла до редколегії: 14.02.2014 р.

УДК 821.161.2.09 Л.Українка:130.3

Х. Р. Рославіцька

Львівський національний університет імені Івана Франка

ДУХОВНІСТЬ ЯК ОСНОВА ГУМАНІСТИЧНОГО ІДЕАЛУ У ТВОРЧОСТІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

Особливості розвитку філософського процесу в Україні кінця XIX – поч. XX ст. чітко і рельєфно відображені у творчості Лесі Українки. У центрі філософського процесу загалом були проблеми антропології, у яких велика увага приділяється духовності як основі гуманістичного ідеалу. Творчість Лесі Українки є видатним матеріалом для ілюстрації гуманістичного ідеалу, який базується на розквіті людської індивідуальності. Естетичний ідеал, який якнайтісніше пов'язаний з гуманістичним, дає можливість зрозуміти постановку проблем поетесою: розуміння прекрасного в людині, того, що «не вмирає», але передається з покоління в покоління; важливе значення слова у духовному житті людини та в процесі її духовного вдосконалення; подолання таких негативних рис, як зло, зрада і відступництво. Слово відіграє особливу роль у боротьбі за кращу долю народу і стає невід'ємною складовою гуманістичного ідеалу.

Ключові слова: гуманізм, духовність, ідеал, Леся Українка, людина, слово.

Леся Українка розробила власну, самобутню й цілісну філософську систему, яку можна охарактеризувати як гуманістичний індивідуалізм. У центрі філософської системи постає людська особистість – «Я», яка наголошує на неосяжних та неоднозначних взаєминах між індивідом та оточенням,

на реаліях дисгармонійного характеру цих взаємин. Звернемо увагу на те, що поетеса не абсолютизує дисгармонійності так, як абсолютизують концепції екзистенціалізму. Адже у слові поетеси простежуємо еволюцію її світогляду: від юначого романтизму з раціоналізмом до неоромантизму з його